

ВСЕЛЕННАЯ ПАЛЕХСКОГО ИСКУССТВА

Научная статья

УДК 745.5(470.315)

DOI: 10.46724/NOOS.2023.1.45-53

К. Л. Ерофеева

ИСКУССТВО ПАЛЕХА КАК ЗЕРКАЛО РУССКОЙ ДУХОВНОСТИ

Аннотация. В статье дается анализ основных особенностей русской национальной духовности. Рассматриваются три периода в развитии изобразительного искусства Палеха. Обосновывается тезис о том, что это искусство отражает в своем историческом развитии русскую духовность в ее наиболее общих, устойчивых чертах. Духовность трактуется как способность и потребность субъекта как индивидуального, так и коллективного формировать идеал как субъективно наиболее значимую ценность. Обосновывается, что специфика русской духовности заключается в стремлении к гармонии, к идеалу святости и красоты. При этом святость не всегда трактуется в религиозном аспекте, а красота приобретает сакральное значение. Сделан вывод, что работа над образом совершенного мира для мастеров Палеха была и остается попыткой преодолеть антагонизмы реальной жизни в России.

Ключевые слова: духовность, идеал, национальный характер, святость, красота, изобразительное искусство Палеха

Ссылка для цитирования: Ерофеева К. Л. Искусство Палеха как зеркало русской духовности // Ноосферные исследования. 2023. Вып. 1. С. 45—53.

Original article

К. Л. Erofeeva

THE ART OF PALEKH AS A MIRROR OF RUSSIAN SPIRITUALITY

Abstract. The article analyzes the main features of Russian national spirituality. Three periods in the development of the fine arts of Palekh are considered. The thesis is substantiated that this art reflects Russian spirituality in its most general, stable features in its historical development. Spirituality is interpreted as the ability and need of a subject, both individual and collective, to form an ideal as the subjectively most significant value. It is argued that the specificity of Russian spirituality lies in the desire for harmony, for the ideal of Holiness and Beauty. At the same time, holiness is not always interpreted in a religious aspect, and beauty acquires a sacred meaning. It is concluded that the work on the image of the perfect world for the masters of Palekh was and remains an attempt to overcome the antagonisms of real life in Russia.

Keywords: spirituality, ideal, national character, Holiness, Beauty, fine arts of Palekh

Citation Link: Erofeeva K. L. (2023) The art of Palekh as a mirror of Russian spirituality, *Noospheric Studies*, no. 1, pp. 45—53.

© Ерофеева К. Л., 2023

Ноосферные исследования. 2023. Вып. 1. С. 45—53 •

Искусство Палеха представляет собой уникальное явление отечественной культуры. В нем сочетаются виртуозное мастерство художников-миниатюристов и поиски новых выразительных средств и форм; наивность мировидения простого русского крестьянина и глубина метафизических прозрений; верность канону и попытки взорвать канон.

Можно выделить три неравных по времени периода существования искусства Палеха: дореволюционный, советский, постсоветский. Они различаются и по тематике, и по социальному контексту существования художника настолько, что служат и будут служить бесценным источником для историков нашего Отечества. Тем не менее при всем многообразии сюжетов, отражающих исторические перипетии жизни страны, можно без труда увидеть единую доминанту палехского изобразительного искусства — устремленность к высотам духа, восхищение красотой окружающего мира и человека в нем.

Попытаемся показать, что в изобразительном искусстве Палеха отразилось своеобразие русской духовности — целостной и постоянной при всей динамичности ее исторических модификаций. Б. П. Вышеславцев писал в своей работе «Русский национальный характер»: «Я убежден, что народный характер необычайно устойчив, быть может, он даже всегда остается тем же, и самые неожиданные и невероятные колебания судьбы вскрывают только его скрытые, но всегда присутствовавшие потенции; так что из глубокого понимания характера можно прочесть всю его судьбу» [Вышеславцев, 1995: 112]. Трудно спорить с подобным утверждением. Но следует заметить, что глубоко понять национальный характер конкретного народа — задача не менее сложная, чем предсказать его дальнейшую судьбу. Как бы то ни было, сегодня, в начале XXI века, эта задача не менее актуальна, чем столетие назад.

Прежде всего, необходимо обозначить наше понимание термина «духовность». В современной научной литературе его нередко употребляют как синоним таких понятий, как религиозность, набожность, участие в жизни церкви. В философском дискурсе советского периода под духовностью понимали направленность сознания (коллективного или индивидуального) на духовные ценности. Под последними подразумевались ценности моральные, эстетические и когнитивные (познавательные) [Федотова, 1991; Симонов, 1989; Симонов, Ершов, Вяземский, 2021].

Под духовностью мы понимаем способность и потребность субъекта как индивидуального, так и коллективного формировать идеал как субъективно наиболее значимую ценность. Духовность предполагает также стремление следовать этому идеалу, в предельных формах — вплоть до забвения своих первичных, витальных потребностей и интересов. Подчеркнем, что идеал — это предельная ценность, которая не реализуется полностью в процессе индивидуальной или даже коллективной жизни. Можно сказать, что он, подобно линии горизонта, не достижим, но задает направление движения. Представление об идеале для субъекта определяет и его представление о смысле жизни (подробнее об этом см. [Ерофеева, 2007]).

При этом, поскольку каждый представитель человеческого рода — носитель единой общечеловеческой сущности, во многом едины и представления людей об идеале. Бог, добро, красота, истина — вот понятия, которыми оперируют для выражения идеала в самые разные эпохи и в самых разных культурных системах. Однако содержание в эти понятия вкладывают зачастую разное.

В силу того что люди имеют различные индивидуальные склонности, интересы, направления деятельности, у них также проявляются и разные предпочтения в выборе идеала. Кто-то реализует свою духовность в служении прекрасному, красоте, как это делали и делают многие люди искусства, кто-то трудится на поприще науки во имя истины, кто-то действует во имя добра. Для религиозного сознания все эти аспекты духовности соединяются в понятии Бог. Подобную акцентуацию идеала можно видеть и на уровне наций и народов как коллективных субъектов исторической жизни человечества.

Философы и культурологи давно отметили специфические особенности русской духовности. Она отражает географическое и историческое своеобразие становления русского этноса, под влиянием которого складывался национальный менталитет. Особенно пристально эту проблему рассматривали философы русского зарубежья начала XX века. Анализируя трагический для них опыт русской революции, они пытались найти глубинные причины этого исторического катаклизма. В работе «Характер русского народа» Н. О. Лосский пишет: «Основное свойство русского народа есть его религиозность и связанное с нею искание абсолютного добра, Царства Божия и смысла жизни, снижающееся при утрате религии на степень стремления к социальной справедливости в земной жизни; в связи с этим свойством стоит способность к высшим формам опыта, именно к религиозному, нравственному и эстетическому опыту, к философскому умозрению и к чуткому восприятию чужой душевной жизни, откуда получается живое индивидуальное общение с людьми» [Лосский, 1991: 359]. Приблизительно о том же говорит Н. А. Бердяев во введении к своей известной работе «Истоки и смысл русского коммунизма». «Религиозная формация русской души выработала некоторые устойчивые свойства: догматизм, аскетизм, способность нести страдания и жертвы во имя своей веры, какова бы она ни была, устремленность к трансцендентному, которое относится то к вечности, к иному миру, то к будущему, к этому миру. Религиозная энергия русской души обладает способностью переключаться и направляться к целям, которые не являются уже религиозными, напр., к социальным целям» [Бердяев, 1990: 9].

Иными словами, философы приходят к выводу, что русский национальный идеал — это святость. Идеал святости подразумевает высочайшую нравственную взыскательность, требовательность к себе и другим. В отличие от идеала морального добра в его нерелигиозной, «светской» форме, он включает чувство благоговения к высшему началу, смиренное сознание собственного несовершенства (греховности). Ориентация на идеал красоты также присуща национальному русскому духу. Но понимание красоты у русского человека сливается с платонической в своей философской основе идеей красоты как отражения трансцендентной реальности и, более того, как доказательства существования этой реальности. Таковы «Троица» Андрея Рублева, стихотворение А. С. Пушкина «Красавица», многие стихи символистов Серебряного века. Б. П. Вышеславцев в упомянутой нами работе размышляет над русским фольклором и пытается через его анализ понять специфику нашего национального характера. Он говорит: «Иван Царевич с его вечными полетами и бесконечными стремлениями — это русский Эрос. Как и Эрос Платона, он рвется прочь от земной бедности и юдоли и жаждет обладания мудростью и божественною красотой. Какова же его Психея, его ненаглядная Василиса Премудрая? Она красота и мудрость запредельная, потусторонняя, но странным образом связанная

с красотой сотворенного мира. <...> Пока Царевич с нею, для него нет трудностей в жизни, Василиса Премудрая выручает его из всякой беды. Настоящая беда только одна: если он *забудет свою невесту*» [Вышеславцев, 1995: 118].

Палех относится к тем «культурным гнездам» России, где долгое время в синкретическом единстве существовали сами люди с их жизненным укладом, их самобытное творчество и их духовная жизнь. Именно это единство жизни творца и содержания его творчества дает мощнейший импульс духовной энергии всем, кто воспринимает это творчество в качестве читателей, слушателей, зрителей. Первый серьезный исследователь палехского искусства советского периода А. В. Бакушинский отмечает: «Владими́ро-Суздальская область была одним из древних центров русского самобытного искусства. Первые указания на работу суздальских мастеров встречаются в летописи уже с конца XII века. Здесь возник своеобразный стиль, отличный от форм, созданных Киевом и Новгородом. Здесь по-иному, чем в Киеве и Новгороде, преломилась византийская традиция. Не было строгости и настойчивости в подражании византийским образцам, как в Киеве. Чужд был дух суровой новгородской мужественности. Женственная мягкость и спокойная, плавная текучесть линии, сдержанная гармоничная красочность характеризуют суздальский стиль, по преемству принятый и развитый раннемосковской школой и ее великим представителем — Андреем Рублевым». [Бакушинский, 1934: 20—21]. Исследователь показывает эволюцию иконописного дела от периода возрождения Руси после смутного времени до предреволюционной эпохи рубежа XIX—XX веков. Он пишет, что в эти века иконописцы, как правило, работали не столько в самом Палехе, но занимались, как это было принято, и отхожим промыслом. Особенно часто они привлекались к работе по восстановлению старых московских дворцов и храмов и к оформлению новых. «Провинциальные мастера, вызванные на работу в столицу, нередко возвращались по выполнению ими придворных заказов и поручений обратно в родные места. Здесь они продолжали свою художественную деятельность, обогащенные новым опытом. Создавалась новая разновидность стиля, в котором последние достижения столичной художественной моды объединялись с местными вековыми и устойчивыми традициями, придворная изысканная утонченность форм — с духом здорового, крепкого примитивизма» [там же].

А. В. Бакушинский отмечает две тенденции в палехском иконописном искусстве XVII—XIX вв. В духе своего времени он напрямую связывает эти тенденции с классовой принадлежностью заказчиков. Так, лаконичность и простота, некоторая статичность фигур и символичность образов у него объясняются тем, что работы были «адресованы» людям из бедных слоев старообрядцев. Напротив, нарядность, многоцветие, реалистические тенденции работ другого направления исследователь объясняет вкусами аристократии и богатого купечества. Представляется, что такой подход верен лишь отчасти. Разумеется, во все времена вкусы заказчика в значительной мере определяли творчество художника. Но в разнообразии изобразительного и выразительного языка мастеров Палеха, по всей видимости, обнаруживается разнообразие проявлений духовности как самих творцов, так и их заказчиков. Для религиозного сознания ортодокса-старообрядца характер Абсолюта имеет идеал святости. Для человека светского в качестве идеала может выступать красота земного мира во всем ее многообразии.

Следует также учитывать, что секуляризация сознания нарастала. Ко второй половине XIX века она достигла своего апогея как в России, так и на Западе. Появление не просто скептицизма, но атеизма и нигилизма в умах представителей разных сословий приводило либо к потере идеала, либо к замене его с религиозного на светский — свободы, равенства, справедливости. В эстетической жизни Европы, и России в том числе, происходили идейные сражения реалистов и символистов. Все это привело к эклектике в палехской живописи. Бакушинский отмечает: «Общая картина палехского дела перед революцией была уныла и предзакатна, несмотря на экономическое процветание, размах предпринимательства и сравнительно хорошее материальное положение массы мастеров. Происходило явное вырождение местной традиции и местного стиля. Господствовала беспринципная стилизация на любой вкус» [Бакушинский, 1934: 105]. Забегая вперед, следует сказать, что многие из этих характеристик применимы и к современному состоянию палехского искусства и положения художников. С одной стороны, есть богатые заказчики и относительная свобода творчества. С другой — коммерческий характер превращает палехское искусство в ремесло, а низкий уровень эстетической культуры платежеспособных заказчиков зачастую ограничивает эту свободу.

Советский период палехского искусства исследователи единодушно рассматривают как его расцвет. Действительно, и с точки зрения формы (освоение новых технологий и жанров), и с точки зрения содержания (от религиозной тематики — к универсальной) в этот период произошли изменения подлинно революционные. Уклад жизни художников-палешан изменился мало, но принципиальное отличие от дореволюционной и постсоветской эпохи заключалось в широкой, всесторонней и системной поддержке государства. Сложилась оптимальная для художника ситуация: он был обеспечен систематическим заработком (материальная составляющая), был уверен в ценности, значимости своего творчества (духовная составляющая), существовал в коллективе единомышленников, в творческой среде (социальная составляющая). При этом образ жизни в Палехе сохранял лучшие черты патриархальной старины. Например, еще в 60—70-е годы XX века там не принято было запира́ть дом в дневное время, даже если хозяева ненадолго отлучались.

Чтобы проследить грани духовности человека советской эпохи, рассмотрим основные мотивы современного ей палехского искусства.

Первые десятилетия советской власти — это время революционных сюжетов, сцен трудовой жизни, а также — идиллических сцен (И. Голиков «Венки» — 20-е гг.). Характерно, что во многих работах этого периода сохраняется не только стилистика иконописи, но и ее дух. Во всяком случае, современный зритель усматривает это духовное сходство. В работах И. И. Голикова, одного из основоположников искусства нового, советского Палеха («Рыболов» — 1923 г.; «Красный Пахарь», «Жница», «Косарь»), труд простых людей трактуется как сакральное действие, а их образы близки образам святых. Сюжет «Рыболов», многократно повторенный автором в разных работах, воспринимается как прямая отсылка к евангельскому сюжету.

Множество, а возможно и большинство работ посвящено сюжетам русской литературы и фольклора (И. П. Вакуров «Бесы». Шкатулка. 1935. ГМПИ; «Буревестник». Пластина. 1935. ГМПИ; «Добрыня и змей» Панно. 1947. ГМПИ;

И. И. Голиков «Затмение солнца. Слово о полку Игореве». Пластина, 1925. ГМПИ). Эта тенденция сохраняется и в искусстве современного Палеха (А. Титов «Три чуда»; Е. Шатохина «Снегурочка». 2009; И. Яблокова «Бахчисарайский фонтан». 2009; В. Богданов «Богатыри земли Русской». 2020). С одной стороны, можно связать это с «социальным заказом»: ведь специфика палехской миниатюры предполагает жанр книжной иллюстрации. С другой стороны — внимание художников к литературным сюжетам — это подтверждение бытующего в философской литературе тезиса о логоцентризме русской культуры.

Следует также помнить, что классическая литература XIX—XX веков сама рассматривалась как нечто сакральное, как абсолютная культурная ценность для русского национального самосознания. В ней, по справедливому утверждению современного философа и культуролога А. П. Давыдова, в период «от Пушкина до Окуджавы» утверждался принцип личности как новое для русской культуры основание. Автор считает, что это привело к своеобразной реформации, преследующей религиозно-нравственные цели, хотя она и осуществлялась секулярными средствами [Давыдов, 2017]. На искусстве Палеха советского периода это отразилось, в частности, обращением к реалистическому портрету. Некоторые критики видели в этом отказ от традиции, эклектику, дурной вкус, уступку официальному соцреализму. Но можно взглянуть на подобную стилевую новацию иначе. Соединение традиционного палехского стиля с портретным изображением в одном произведении — это попытка вписать в идеализированный образ мира конкретное лицо, личность, которая должна и может этот идеальный мир создавать. Поэтому лица выдающихся деятелей науки, искусства, покорителей космоса, героев войны на палехской лаковой миниатюре не кажутся чужеродным элементом. В сознании советских людей, как известно, идеал уже не рассматривался как некий недостижимый предел. Напротив, официальная идеология строилась на том, что коммунизм как некое идеальное, совершенное по своему устройству общество, достижим и даже близок. Этой духовной установкой жило немало советских людей, в том числе — художников.

Среди характерных особенностей русского человека Н. О. Лосский называет «страстность, максимализм и экстремизм» [Лосский, 1991: 359]. «Отрицательные свойства русского народа — подчеркивает он — экстремизм, максимализм, требование всего или ничего, невыработанность характера, отсутствие дисциплины, дерзкое испытание ценностей, анархизм, чрезмерность критики» [там же: 360]. Соглашаясь с этими оценками, следует учесть, что именно максимализм и критицизм позволяют русскому сознанию избегать самодовольства и ограниченной прямолинейности рационалистического запада.

Мнение иностранцев о русском характере также крайне противоречиво. Лосский приводит высказывание своего современника. Британский писатель и журналист М. Бэринг в книге «Русский народ» в 1911 году утверждает, что Россия — «страна крайностей». Но далее он добавляет: «Недостатки России — оборотная сторона положительных качеств ее, столь ценных, что они перевешивают недостатки» [там же: 355]. «Русская душа полна человеческой христианской любви, более теплой, простой и искренней, чем я встречал у других народов» [там же].

В работах художников-палешан специфическим образом отражаются все обозначенные особенности. Простота и искренность, «человеческая христиан-

ская любовь» видны в наивной трактовке сюжетов, в том, как любовно изображаются не только персонажи, но и деревья, животные, здания (И. И. Голиков «Звери». 1925). Палехские мастера в лучших своих работах являют зрителю истинно детский взгляд на мир. Он полон веры в победу добра и восхищения красотой всего сущего. Не составляют исключения и сюжеты, посвященные современности. Причем мастер нередко сочетает изображение реалий советской жизни с приемами иконописи.

Как же отражается в палехском искусстве одна из наиболее устойчивых и пагубных черт русских людей — склонность к крайностям? Она дает о себе знать при любых начинаниях экономической, политической и культурной жизни, проявляется в оценках, в отношении к конкретным людям. Она делает нашу историю столь дискретной и зачастую трагической. Современные философы и культурологи, как и мыслители прошлых веков, уделяют внимание этой проблеме, ищут пути преодоления или, по меньшей мере, редукции этой национальной черты [Давыдов, Розин, 2017]. Мастера Палеха преодолевают опасную тенденцию русского человека к нарушению меры своими, сугубо художественными методами. Они стремятся к гармонии в своих произведениях, создавая тем самым идеальный мир — эстетический образ должного мироустройства.

В постсоветский период палехское искусство продолжает осуществлять эту миссию. Несмотря на негативные тенденции, обусловленные рыночными отношениями (о них шла речь выше), оно по-прежнему выражает лучшие черты духовного склада русских людей. Через возвращенную иконопись в нем отображен непосредственный, религиозный идеал святости (А. Парамонова «Богородица Владимирская», Г. Зыкова «Георгий Победоносец»; В. Макашов, Т. Макашова «Преподобный Сергей Радонежский»). При этом личностное начало здесь также присутствует: при бережном отношении к традиции авторам иногда удается внести свежесть прочтения образа, индивидуализировать его, придав тем самым особую выразительность (икона А. Парамоновой «Богородица Владимирская»). Идеал красоты, напоминающей о мире горнем, дан в исторических и литературных сюжетах. Появляются также работы более сложного и многозначного идейного наполнения. Так, в работе В. Смирнова и Ю. Голикова «Рождение советского пионера» прочитываются и горькая ирония, и ностальгия по ушедшей советской эпохе, и призыв к самокритике и историческому прощению. В миниатюре Н. Бабановой сочетаются идея святости воинского патриотического подвига и женский сострадательный, пацифистский взгляд на войну. Неслучайно названием художница выбрала строки известного стихотворения Б. Окуджавы, немного перефразировав их: «И летят они в райские кущи на крылатых конях своих».

Как видим, искусство Палеха при всей смене укладов и общественных отношений и даже — отношения государства и общества к религии, несет в себе общие черты национальной духовности и является их отражением.

Идеал святости, включающий в себя моральное совершенствование и отсутствие гордыни, самолюбования, не уходил из сознания палехских мастеров даже в период официального атеизма. Художественными средствами он выражался и прославлялся через достижение гармонии формы — колорита, композиции, образов.

Идеал горней красоты как наиболее близкий религиозному чувству русского человека выражен в изобразительном искусстве Палеха наглядно и многообразно. Именно через этот идеал достигается духовно-воспитательное воздействие палехского искусства.

Создание образа совершенного мира — будь то мир природы, общественных отношений или внутренний мир человека — для мастеров Палеха было и остается попыткой преодолевать антагонизмы реальной жизни в России. Более того, гармония, достигаемая в искусстве, утверждает возможность подобной гармонии и в действительности. Пусть даже на сегодня эта возможность видится лишь как абстрактная.

Библиографический список / References

- Бакушинский А. В. Искусство Палеха. М.; Л.: ACADEMIA, 1934. 267 с.
(Bakushinsky A. V. *Art of Palekh*, Moscow-Leningrad, 1934, 267 p. — In Russ.)
- Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. М.: Наука, 1990. 224 с.
Berdyayev N. A. *The origins and meaning of Russian communism*, Moscow, 1990, 224 p. — In Russ.)
- Вышеславцев Б. П. Русский национальный характер // Вопросы философии. 1995. № 6. С. 111—121.
(Vysheslavtsev B. P. Russian national character, *Questions of Philosophy*, 1995, no. 6, pp. 111—121. — In Russ.)
- Давыдов А. П. Российская Реформация: Личность в безличностной культуре // Общественные науки и современность. 2017. № 5. С. 163—176.
(Davydov A. P. *Russian Reformation: Personality in impersonal culture, Social sciences and modernity*, 2017, no. 5, pp. 163—176. — In Russ.)
- Давыдов А. П., Розин В. М. Спор о медиации: Раскол в России и медиация как стратегия его преодоления. М.: Ленанд, 2017. 288 с.
(Davydov A. P., Rozin V. M. *Dispute about mediation: The split in Russia and mediation as a strategy to overcome it*, Moscow, 2017, 288 p. — In Russ.)
- Ерофеева К. Л. Человек в информационном обществе: сущность и существование / ИГЭУ. Иваново, 2007. 408 с.
(Erofeeva K. L. *Man in the information society: essence and existence*, Ivanovo, 2007, 408 p. — In Russ.)
- Лосский Н. О. Характер русского народа // Лосский Н. О. Условия абсолютного добра: Основы этики. М.: Политиздат, 1991. С. 237—360.
(Lossky N. O. The character of the Russian people, Lossky N. O. *Conditions for absolute goodness: Fundamentals of ethics*, Moscow, 1991, pp. 237—360. — In Russ.)
- Симонов П. В. Происхождение духовности. М.: Наука. 1989. 350 с.
(Simonov P. V. *The origin of spirituality*, Moscow, 1989, 350 p. — In Russ.)
- Симонов П. В., Ершов П. М., Вяземский Ю. П. Происхождение духовности. Познание и альтруизм. Эволюция высших потребностей. Научно-математический анализ. М.: Ленанд, 2021. 328 с.
(Simonov P. V., Ershov P. M., Vyazemsky Yu. P. *The origin of spirituality. Knowledge and altruism. The evolution of higher needs. Scientific and mathematical analysis*, Moscow, 2021, 328 p. — In Russ.)

Федотова В. Г. Практическое и духовное освоение действительности. М.: Наука. 1991. 132 с.
(Fedotova V. G. *Practical and spiritual development of reality*, Moscow, 1991, 132 p. — In Russ.)

Статья поступила в редакцию 23.11.2022; одобрена после рецензирования 10.01.2023; принята к публикации 31.01.2023.

The article was submitted 23.11.2022; approved after reviewing 10.01.2023; accepted for publication 31.01.2023.

Информация об авторе / Information about the author

Ерофеева Ксения Леонидовна — доктор философских наук, доцент, профессор кафедры истории, философии и права, Ивановский государственный энергетический университет имени В. И. Ленина, г. Иваново, Россия, xenia.erofeeva@mail.ru

Erofeeva Ksenia Leonidovna — Doctor of Sciences (Philosophy), Associate Professor, Professor of the Department of History, Philosophy and Law, Ivanovo State Power Engineering University named after V. I. Lenin, Ivanovo, Russian Federation, xenia.erofeeva@mail.ru